

Я. И. де Санглен
ЗАПИСКИ

1793—1831

• КУЧКОВО ПОЛЕ •

ВОЕННЫЕ

МЕМОАРЫ

Яков Иванович Санглен

Записки. 1793–1831

Серия «Военные мемуары (Кучково поле)»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29810191

*Яков Иванович де Санглен. Записки. 1793–1831: Кучково поле; Москва;
2016*

ISBN 978-5-9950-0597-1

Аннотация

Записки Якова Ивановича де Санглена (1776–1864), государственного деятеля и одного из руководителей политического сыска при Александре I, впервые появились в печати на страницах «Русской старины» в 1882–1883 гг., почти через двадцать лет после смерти автора. Мемуары Санглена, наглядно демонстрирующие технологию политических интриг, сразу после публикации стали важнейшим историческим источником, учитывая личность автора и его роль в событиях того времени, его знание всех тайных пружин механизма функционирования государственной машины и принятия решений высшими чиновниками империи. **Печатается по изданию:** Записки Якова Ивановича де Санглена // Русская

старина. Т. XXXVII. СПб., 1883. Выпуски 1–3. Вступ. ст.
и коммент. В. М. Безотосного.

Содержание

Яков Иванович де Санглен и его записки	6
Записки Якова Ивановича де Санглена	10
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Яков Иванович де Санглен

Записки. 1793–1831

© ООО «Кучково поле», 2015

© Безотосный В. М., вступ. ст. и коммент., 2015

Яков Иванович де Санглен и его записки

Уже после своей отставки автор этих мемуаров Яков Иванович де Санглен был широко известен в московских литературных кругах. По свидетельству Т. П. Пассек, он был «живой, остроумный» собеседник, «рассказывал энергично, рельефно», знал «пропасть событий и анекдотов того времени... он представлял собою живую хронику»¹. Отголоском этих устных воспоминаний является записанный с его слов Н. Бергом рассказ об одной из операций русской контрразведки в Вильно². Но личность Санглена всегда окружала завеса тайны, вернее, тайна его предшествующей деятельности. Сохранилось большое количество мемуаров с упоминанием о нем, но большинство авторов относилось к нему с осторожностью, многие считали его связанным с полицией, называли доносчиком и шпионом, поэтому давали негативную характеристику³. Безусловно он был неординарным человеком, прожил яркую и интересную жизнь, особенно насыщенной событиями оказалась первая половина его био-

¹ Воспоминания Т. П. Пассек // Русская старина. 1877. № 7. С. 434.

² ИРЛИ. Ф.265. Оп.2. Д. 2499. л. 30–31.

³ ГАРФ. Ф.109. 1830 г. 1-я экспедиция. Д. 363; Из царствования Николая I // Русская старина. 1896. № 6.

графии. Необычным было и происхождение мемуариста. Он родился в Москве в 1776 г., но отец его являлся выходцем из Франции – отсюда нерусская фамилия мемуариста. Учился сначала в частном московском пансионе, затем в гимназии в Ревеле. После шестилетнего обучения в 1793 г. поступил на службу переводчиком в штаб командира Ревельского порта вице-адмирала А. Г. Спиридова. Воспользовавшись продолжительным отпуском Спиридова, Санглен умудрился выехать за границу, прослушать курс лекции в немецких университетах по философии в Лейпциге, курс астрономии в Берлине. Уже в 1804 г. после экзамена его назначили лектором немецкого языка в Московском университете, затем он открыл курс публичных лекций по военным наукам и тактике. В 1805–1806 гг. он являлся издателем журнала «Аврора» и «Ученых ведомостей». В 1806 г. был назначен адъюнкт-профессором, а в 1807 г. был принят в штат свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, которую возглавлял близкий к императору генерал-адъютант князь П. М. Волконский. Выпустил несколько трудов: «О военном искусстве древних и новых народов» (М., 1808), «Исторические и тактические отрывки» (М., 1809), «Краткое обозрение воинской истории XVIII века» (М., 1809). Бесспорно, по нормам того времени Санглен являлся весьма образованным пишущим автором, но видимо сказались его личные качества. Он не смог сработаться с Волконским, находясь вместе с ним в заграничной командировке, поэтому

перешел на службу к другому генерал-адъютанту – А. Д. Балашеву, занявшему пост министра полиции. В этом министерстве Санглен стал исполнять с 1810 г. должность директора Особенной канцелярии, фактически ставшей предтечей тайной полиции Николая I и печально известного III отделения. Он сыграл заметную роль в дворцовых закулисных интригах перед войной 1812 г., особенно в так называемом деле Сперанского, до сих пор досконально не исследованным историками и имеющем неоднозначную трактовку. Но в результате Санглен испортил отношения со своим непосредственным начальником Балашевым, и по протекции императора сразу был назначен директором Высшей воинской полиции 1-й Западной армии, ставшей в годы войны органом военной контрразведки⁴. Хотя многие мемуаристы упоминают о нем, по-видимому, ссылаясь на Сперанского, к которой он оказался причастен, в сознании современников затмила все остальное (обычно упоминали его полицейское прошлое), да и его истинная деятельность в военных событиях 1812 г. оказалась окутана пеленой секретности⁵. Собственно в 1812 году, можно сказать, закончилась его значимая часть карьеры как государственного чиновника. До 1816 г. он оставался директором Высшей воинской полиции при военном министерстве, а затем был зачислен по герольдии и проживал

⁴ Подр. см.: *Безотосный В. М.* Документы русской военной контрразведки в 1812 г. // Российский архив. Т. II–III. М., 1992. С. 50–68.

⁵ Подр. см.: *Безотосный В. М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005.

в Клинском уезде с наездами в Москву. С 1830-х гг. начал снова писать и публиковать свои работы по самым разным темам, и, видимо, готовил «не для современников» свои воспоминания, охватывавшие период со времени Екатерины II до Николая I по 1831 г. включительно. Его записки появились в печати на страницах «Русской старины» в 1882–1883 гг. почти через двадцать лет после его смерти (1 апреля 1864 г.). Мемуары Санглена – это итог его литературной деятельности; они преподали читателям урок исторической психологии и наглядно продемонстрировали технологию политических интриг. Записки были представлены в редакцию журнала видным военным историком М. И. Богдановичем, а после публикации стали важнейшим историческим источником, учитывая личность автора, роль, которую он играл в событиях тех лет, его знание всех тайных пружин механизма функционирования государственной машины и принятия решений высшими чиновниками империи.

Доктор исторических наук В. М. Безотосный

Записки Якова Ивановича де Санглена

*Je vais écrire l'histoire des affaires de mon temps,
tâche délicate et périlleuse.*

6

7

По просьбе многих друзей, приятелей, мнением которых я дорожу, решился я привести в порядок Записки, собранные мной в течение моей жизни. Решившись писать о многих происшествиях, в которых участвовал я сам, иногда как действующее лицо, иногда как зритель, другие передать хочу по дошедшим до меня верным слухам; я избрал истину единственной моею руководительницей; следовательно, за одно достоинство моих записок я ручаюсь смело – правдивость. Я не щадил никакого лица, ни самого себя. Угодять самолюбию своему и других может полезным быть для жизни.

⁶ Записки Я. И. де Санглена (давно уже покойного), писаны им в 1860 году и доведены только до 1831 года. Рукопись передана в нашу собственность генерал-лейтенантом Модестом Ивановичем Богдановичем 7 июля 1882 году в Ораниенбауме. Высокоуважаемый историк, уже лежа на смертном одре, пригласил нас посетить его и, сказав нам много доброго и хорошего о нашем издании «Русская старина», передал этот манускрипт. Несколько дней спустя М. И. Богдановича не стало. – *Примеч. ред.*

⁷ Я буду описывать события моего времени, задача сложная и опасная (*фр.*).

ни, но на краю гроба, по-моему мнению, было бы преступно выказывать себя или других лучше или хуже, чем они действительно были. Я пишу не для современников, пишу, как будто уже меня нет; следовательно, без зависти, без злобы. Хвалить, щадить некого; лживо порицать – порицать подло. *Suum cuique!*⁸ Земных интересов для меня уже быть не может. И так пусть водит пером моим строгая истина: я мог ошибаться – я человек, – но отвечаю за то, что умысла, злого намерения не было⁹.

Я. де Санглен

I

Предисловие по большей части бывает ничтожное, надоело всем и редко кем читается. Оно знакомит читателя с автором, а этот старается приманить к себе внимание публики, что тоже случается редко. Я, без рекомендации, приступаю

⁸ Искаженное написание латинской поговорки: «*Summ cuique*» – «Каждому свое».

⁹ Я. И. де Санглен не лгал, заявляя в своем «предисловии», что он оставляет записки свои только для потомства и пишет не для современников. Доказательства налицо. Михаил Петрович Погодин, при всех заботах и усилиях, не мог получить от своего приятеля Я. И. де Санглена ничего, кроме рассказа до 1796 года. Барон (впоследствии граф) М. А. Корф также не был счастливее. Сообщив не важные заметки о событиях 1812 года М. П. Погодину, Я. И. де Санглен писал ему 18 ноября 1861 года: «Вот все, что я мог вам сказать; на остальное наложил император Александр I вечное молчание, и я исполню его волю до конца жизни моей». (Русский архив. 1871. С. 1165). – *Примеч. ред.*

прямо к делу.

Почитаю также нужным вкратце познакомить читателя с фамилией моей. Фамилия деда моего, со стороны отца моего, была de St. Glin, женатый на девице de Lortal. Оба проживали в поместье своем, приписанном к епархии Эр (Diocèse d'Air), городке на берегах Адур. По родству с маркизами De Seguin, старший сын деда моего поступил в военную службу и был в начале революции бригадным генералом в армии короля французского, а младший сын, отец мой, назначался в духовное звание, по тогдашнему постановлению, и потому поступил в монастырь, которому дана была небольшая дача (мыза), но, вероятно, монашеская жизнь отцу не понравилась; он бежал из монастыря и через Испанию и Англию прибыл в Париж вместе с родственником своим chevalier de la Payge¹⁰. Отец мой желал тотчас вступить в военную службу, встретились затруднение, и он явился капитаном в королевских мушкетерах. Здесь поссорился он с каким-то знатной фамилии офицером, который упрекал ему бегством его из монастыря. Следствием этого была дуэль, в которой секундант был тот же chevalier de la Payge. Отец мой убил своего соперника и вынужден был, оставя отечество, переменить свою фамилию; это и есть теперешняя моя. Он и chevalier прибыли оба в гостеприимную Россию. Отец мой, через несколько времени, получил из отечества своего тридцать тысяч рублей и в 1775 году женился в Москве на девице

¹⁰ Шевалье (т. е. дворянин) де ла Пейр (*фр.*).

de Brocas.

Плод сего брака в 1776 году был я.

К крайнему моему сожалению, все документы, которые я читал у матери моей, сгорели в 1812 году с прочими вещами в доме зятя моего Якова Ивановича Роста вместе с домом его. Прочие известия получил я от самого *chevalier de la Paugé*, который пережил отца моего, после которого я остался четырех лет. Мать моя осталась вдовою 19-ти лет, была собою прекрасная, с возвышенным характером и необычайной твердостью духа. Она держала меня строго и не помню, чтобы она выказала мне хоть малейшую ласку. Теперь, по истечении более 50 лет, сын ее вспоминает с слезою благодарности; она врезала в мое юное сердце понятие о чести и презрение ко всему низкому, была первой моею наставницей. На восьмом году отдала она меня в пансион к г. Келлеру, у которого были уже два пансионера: Алексей Майков и Николай Федорович Хитрово¹¹. Матушка моя, недовольная малыми моими успехами, решила отправить меня во Францию. Началась переписка с моими родственниками в 1787 году. Дядя мой и тетка, сестра его, приглашали меня к себе и брали совершенно под свою опеку. Пока переписывались, вспыхнула революция. Дядя мой, равно и другие приверженцы законной власти, положили голову свою на плахе. Мать моя, устрешенная буйными порывами революции, от-

¹¹ *Хитрово Николай Федорович* (1771–1819), генерал-майор, посол в Тоскане в 1815–1817 гг. Был женат на дочери М. И. Кутузова Елизавете.

менила первый план и отправила меня в Ревель, где славились тамошняя гимназия.

Тогда еще Ревель был городом немецким, и я, не зная ни слова на немецком языке, в первый год моего учения, был в крайнем затруднении. Профессора отчаивались, могу ли я чему-нибудь порядочно выучиться. Странный случай развил мои способности. Я, двенадцатилетний мальчик, страшно влюбился в 25-летнюю дочь моего профессора. Она была довольно умна, объявив мне, что тогда только будет мне платить взаимностию, когда я буду хорошо учиться. Это подстрекнуло меня и возбудило желание прилежать более и более. В четыре года прошел я все классы с похвалою, и наконец, в последнем, высшем, получил за блистательные успехи серебряную шпагу.

Весь Ревель обратил свое внимание на это маленькое чудо; князь Николай Васильевич Репнин назначен был генерал-губернатором в Ревель. Он посетил гимназию, и я имел честь поднести ему на белом атласе печатные стихи моего сочинения. Это первое произведение музы моей утрачено, кажется, невозвратно, ибо и сам автор не может вспомнить ни одного стиха из этой оды, которая доставила ему честь обедать у князя, в Екатеринентале, со всею Ревельской знатью того времени. Майору Энгелю, адъютанту князя, поручено было меня угощать. По окончании стола князь приказал позвать меня к себе. Он вторично благодарил меня за поднесенную ему оду и отпустил с сими словами, которые

врезались в память мою: «Надеюсь, что поощрение, которого вы были удостоены, будет причиною усовершенствоваться в науках».

Комендант Кохиус¹², губернатор барон Врангель¹³ и прочие, все приглашали меня на обеды, даваемые князю. Я везде являлся во фраке, со шпагой на боку, и едва ли кто был счастливее меня! Между тем та, которая была виновница моей славы, вышла замуж, и не знаю, с отчаяния ли, я написал сатиру на всех профессоров, полагая себя умнее и гораздо важнее их, или из желания носить мундир, не помню, но подал прошение в службу, не испрося на это согласия матери моей: так ослепила меня слава, и я исполнен был самонадеянности.

II

В 1793 году, в декабре, я принят был в службу прапорщиком и определен переводчиком в штат вице-адмирала Спиридова¹⁴. Здесь останавливаюсь я и только о тех моментах писать буду, которые имели влияние на будущую судьбу мою.

¹² *Кохиус Иван Степанович*, обер-комендант г. Ревеля с 1778 г.

¹³ *Врангель Андрей Иванович* (1736–1813), барон, генерал-поручик (1790), губернатор Эстляндии в 1786–1796 гг.

¹⁴ *Спиридов Алексей Григорьевич* (1753–1828), адмирал. В 1792–1811 гг. – главный командир Ревельского порта.

Сперва опишу молодого прапорщика, который, с малыми оттенками, по мере лет и опытности, остался неизменен в характере своем. Я всегда был здоровья слабого, темперамента пылкого, воображения пламенного. В безделицах суетлив, в важных случаях холоден, покоен. Страстно всегда любил науки и никогда не переставал учиться. В душе всегда был христианином, однако же не покорялся слепо многим обычаям, но всегда был жарким антагонистом противников религии. Любил новое свое отечество Россию, чтил государыню высоко, всем людям без изъятия желал добра, но всякое добро, мною сделанное, обращалось мне во вред, может быть от того, что каждый поступок мой был с примесью тщеславия и себялюбия. Был обходителен, не всегда скромен, делил последнее с ближним, редко с кем ужиться мог, надоедал часто и семейству своему, и (бывало) увижу только малейшее неблагородство, вспыхну, выхожу из себя. Подобный характер сделал из меня какое-то существо, противоречащее всем и самому себе. С начальниками, кроме адмирала Спиридова, был вечно в ссоре. Только что увижу темную сторону, человек, как бы он высоко не стоял, мне огадится, и я в подобных случаях не умел даже в пределах должного приличия оставаться. Величайшее мое искусство было всегда быть без денег и казаться богатым. Отчего? Петля на шее, подавляю свое горе, не сообщая никому, что нет ни гроша, но только появилась копейка – обед или вечеринка, а потом сажаю всех

и себя на Антониевскую пищу¹⁵ до появления новой копейки. Никогда не был так здоров, бодр духом и свеж умом, как в несчастиях, в преследованиях всякого рода и прочем. Так что приятели мои, в числе которых был и Николай Алексеевич Полевой¹⁶, желали мне бед, утверждая, что только в подобных случаях виден дух мой.

В мирном положении я скучен, недоволен собою и другими, в свалке с судьбою все хорошо. Врагов своих любил, почитая их лучшими своими приятелями, стражей у ворот моей добродетели, ибо исправлял себя, видя свои недостатки. Величайшая вина моя состояла в том, что я до поздних лет не вникал в жизнь, принимал каждого человека за такового же прямодушного, каков был сам, и шел вперед, основываясь на правоте своей, без оглядки. Искренно верил добру и нигде не подозревал зла. Предпочитал честь, даже страдания, за истину святую всем благам мира. За обиженных, невинных, стоял я грудью, но, защищая их слишком нескромно, пятнал господ утеснителей, великих земли сей. Эти недостатки изолировали меня от прочих людей, навлекли кучу врагов, подвергли ужаснейшей клевете, но не могли поколебать железной воли моей.

Я любил женщин до обожания и не смею о них умолчать. Они слишком великую роль играют в жизни моей до самых

¹⁵ То есть живший на пище Св. Антония, а попросту голодавший.

¹⁶ *Полевой Николай Алексеевич* (1796–1846), писатель, драматург, журналист и историк. В 1825–1834 гг. издавал журнал «Московский телеграф».

поздних лет. Находясь смолоду на земле рыцарской, был я рыцарем и трубадуром, а женщины возвышали дух мой. В то время, они поистине были нашими образовательницами; рекомендация их чтилась высоко. Как принят он в обществе дам? был столь же важный вопрос, как ныне – богат ли он? Дамы получали эти вежливости, возжигали в душе стремление перещеголять других людей не чинами, не скоплением неправедных богатств, а возвышенностию духа. Увидим: соответствовал ли молодой прапорщик урокам своих милых наставниц?

Начальник мой был сын того славного адмирала Спиридова, который сжег турецкий флот под Чесмой¹⁷. Огорченный предпочтением, оказанным графу Алексею Григорьевичу Орлову наименованием его графом Чесменским, не довольствуясь собственным сознанием великого дела, дерзнул он повергнуть к стопам Великой Екатерины сделанную ему обиду и просился в отставку. Сим проступком руководило чувство благородное, но он был не скромн и не великодушен. Императрица не могла переменить раз уже сделанного, тем более, что граф Орлов, знал ли морское дело, или нет, однако был назначен главным начальником флота, а у нас обыкновенно люди награждаются не по знанию, не по достоинству, а по назначению и старшинству. Императрица оскорбилась этим поступком и по желанию отставила его от

¹⁷ Имеется в виду *Спиридов Григорий Андреевич* (1713–1790), адмирал (1769). Прославился разгромом турецкого флота в ходе Чесменского сражения.

службы. Спиридов умер томимый честолюбием, в Москве, с убеждением, что поступил как должно благородному человеку.

Тогда малейшее предпочтение, оказанное другому не за истинные заслуги, а по фавору, заставляло обиженного немедленно подать в отставку. Благородное это упрямство ценилось высоко в царствование Великой Екатерины, и даже в первый год восшествия на престол Павла. Впоследствии времени этот и всякий *point d'honneur*¹⁸ исчез почти навсегда или, по крайней мере, сделался очень редок.

Начальник мой, Алексей Григорьевич Спиридов, был человек, одаренный всеми доблестями мирного гражданина — образован, скромн, бескорыстен, готовый на услугу, на добро, был отличный сын, муж, отец, и до такой степени дорожил честью, что едва ли она ему не дороже была самой жизни. Бескорыстие его доходило до того, что, проживая в казенном доме на так называемом шведском рынке, он, при умножении семейства, находя квартиру свою слишком тесной, вздумал воспользоваться пустым местом, выходящим на самый рынок. Он им воспользовался, отстроил три комнаты на собственный счет, и даже отапливал их собственными дровами, чтобы не быть казне в тягость. При входе в военную гавань, отделенную от купеческой, и пройдя мимо караульного дома, усмотрел он, что лежавшие накануне кирпичи, глина, известка и прочее исчезли. Начальник мой, об-

¹⁸ Дело чести (*фр.*).

ратясь к караульному офицеру, спросил:

– Куда употреблены материалы, которые я вчера здесь видел?

Офицер, немного смешавшись, отвечал:

– Я отпустил их капитану NN, который строится.

– А это была собственность ваша?

Офицер молчал.

– Я уверен, – продолжал мой начальник, – что капитан NN не успел вам возвратить взятого. Завтра я буду здесь и найду верно все материалы сполна, но вы видите, как мало можно полагаться на исправность приятелей. В другой раз не советую вам располагать тем, что вы беречь, а не раздавать обязаны.

Этот вежливый и деликатный выговор был в то время ужаснее нынешнего ареста, который считали посрамлением мундира, и заслуживший оный должен был, по настоянию товарищей, неминуемо выходить в отставку.

Служба моя была легка; что поручал мне адмирал, то исполнялось по возможности со всем рвением молодых лет. Остальное время, имея, по кредиту начальника, вход во все лучшие дома в Ревеле, я танцевал, влюблялся, и вообще *il dolce far niente*¹⁹ было девизом моим. Карты не были тогда в таком сильном употреблении, как ныне: это была принадлежность стариков, пожилых дам и людей в высших чинах. Молодому офицеру играть в карты было так же предосу-

¹⁹ Ленииться (*итал.*).

дительно, как посещать беседы не аристократические, или выпить в компании лишнее. И то, и другое затворяло вход в лучшее общество. Но жизнь в большом кругу требовала больших издержек; я задолжал. Адмирал, узнав это, призвал меня к себе. «Брать в долг и не платить есть утонченное воровство, — сказал он; — поезжайте в Москву к вашей матушке, повинитесь и просите милости». В те времена отпуска были легки, зависели единственно от начальника. Я получил курьерскую подорожную; адмирал снабдил меня письмами к матери своей, к дяде, к братьям, и я отправился через Псков для поспешного приезда на родину, которую еще порядочно не знал. Сборы небогатого офицера нехлопотливы: чемодан, без малого в полтора аршина длины и аршин ширины, белье, шляпа в лубочном коробе были главными предметами укладки, старый мундир на плечах офицера, поновее в чемодане и шпага на боку, овчинный тулуп, покрытый толстым сукном, не отягощали перекладных саней и не обременяли лошадей. Но как дорога была довольно продолжительна и скучна, и ничего замечательного не случилось, то я приступаю к своему рассказу.

III

В первых числах января 1795 года я ввалился в Москву и

подъехал к крыльцу дома матери моей²⁰ на Тверской, надеясь самолюбиво на радушный прием и радость матери, после продолжительной разлуки, видеть сына молодого, и, как говорили, хорошенького прапорщика.

С тем вместе восхищался поближе узнать родину мою Москву; но едва ли не была главная цель поездки исправить мои финансы и установить годовой мой бюджет.

Доложили, заставили ждать с полчаса, которые показались мне сутками, наконец впустили. Я побежал к руке матери моей, но она меня остановила, сказав:

– Ты не к матери приехал, а к шкатулке моей. Не стыдно ли офицеру иметь так мало амбиции? Он должен предпочесть смерть всякому унижительному поступку.

Слова эти так меня поразили, что невольно слеза выкатилась из глаз.

– Вот следствие, – продолжала она, – легкомысленных твоих поступков; теперь пробудилось оскорбленное самолюбие, и офицер плачет. Не хочу тебя видеть; поезжай куда хочешь; я без позволения мужа моего не могу тебя принять, – и вышла из комнаты.

Боже мой! Какой урок! И свидетелями были наши крепостные люди. Я сбежал с лестницы, сел опять в перекладные сани и велел ехать в Немецкую Слободу, думая, мо-

²⁰ Мать моя, во время отсутствия моего, вторично вышла замуж за полковника Шофера и была в переписке с одним торговым домом в Ревеле, от которого знала все то, что творил сынок ее. – *Здесь и далее примеч. авт.*

жет быть, найти приют у матери моего адмирала. Закутавшись в тулуп, предался я горьким размышлениям. Признаюсь, сперва оскорбился я жестосердием матери, которая, не видав несколько лет сына, отказала ему в приеме, и еще как! Жестоко страдало самолюбие; но дорога с Тверской в Немецкую Слободу довольно пространна, особенно на усталых лошадях, я имел, следовательно, время все обдумать похладнокровнее, и, к стыду моему, должен был сознаться, что приискал более из желания получить денег, нежели по чувству сыновней любви. Ныне, когда мать моя с лишком 50 лет покоится в земле, благодарен я за урок, который возвысил дух мой и отстранил от меня малейшую низость. Правда, часто пересаливал я самое благородство, но зато не унижался, не ласкал порока, не искал так называемого внешнего счастья, которое могло лишить меня того внутреннего спокойствия, которое, утратив раз, восстановить трудно. Сердечно благодарю тебя, незабвенная мать моя, за этот практический урок, который подействовал сильнее всех теоретических преподаваний тогдашних профессоров.

Доехав до так называемого Разгуляя, я велел остановиться и спросил первого проходящего человека: не знает ли он, где дом Нестерова? Это был дядя моего начальника.

— Я, сударь, — отвечал он, — их человек; если угодно будет, я вас провожу, — и сел на облучок.

Почему я спросил дом Нестерова, а не Спиридова, куда намеревался ехать? Кто мне скажет? Что за неизъяснимый

мир заключается в человеческом сердце! Есть, кажется, в человеке какой-то внутренний голос, который нашептывает ему благое. Если послушаемся его, все пойдет ладно; но когда умствование, самолюбие, заставят его поступить вопреки этому предостерегательному голосу, то все пойдет наперекор. По крайней мере, я часто испытывал это на себе и слышал от других: «Ведь крайне не хотелось, виноват, не послушался тайного голоса, сожалею». Ямщик, по указанию человека, своротил с большой Немецкой улицы налево, и сани подкатили к подъезду большого барского дома. «Мы приехали», – сказал тот же человек, соскочив с облучка.

Провели меня через большую залу, две гостинные и, наконец, в диванную, где все семейство сидело около чайного стола. Это было около 10 часов утра. Человек пожилых лет, с физиономией, внушающей почтение, встал с кресел и спросил меня, кого вам угодно?

– Его превосходительство Александра Матвеевича Нестерова²¹.

– Это я! – отвечал он.

Я вручил ему письмо моего начальника.

– Прошу садиться, – сказал он и пошел в кабинет.

Почтенная старушка, супруга г. Нестерова²², на лице кото-

²¹ *Нестеров Александр Матвеевич* (1733–1803), отставной поручик Ингерманландского пехотного полка.

²² Женой А. М. Нестерова была Александра Афанасьевна, урожденная Гончарова (1738–1828).

рой сохранились еще остатки бывшей красоты, приветствовала меня ласково и посадила подле себя. Все расспрашивали меня о моем начальнике, о ревельском житье. Все дышало здесь спокойствием, счастьем, древней патриархальной жизнью, которую ныне напрасно искать будем. Меня подчевали, разговор оживлялся более и более, и через несколько времени я уже сделался как будто давнишним знакомым. Теперь возвратился и хозяин, который, обратясь ко мне, сказал:

– Ваш начальник относится о вас так лестно, что отзыв его такому молодому человеку, как вы, делает много чести. Но где остановились вы?

Я сперва не знал, что отвечать; наконец, ободрясь, признался откровенно, что еще не знаю.

– Остановитесь у нас. Дети! – прибавил он, – у вас комнат много, уступите ему одну.

Не дождавшись моего ответа, новые мои знакомые повели меня к себе и предоставили выбор комнаты. Я был так тронут этим обязательным приветствием, что когда сказали: выберите любую комнату, я едва отвечать мог: «Как и где вам угодно». Они действовали за меня, велели принести мои пожитки и, увидя один чемодан, в сопровождении которого не было даже подушки, «вы верно приехали курьером?» – спросил, улыбаясь, старший сын.

– Точно так, – отвечал я, и показал подорожную.

– Не беспокойтесь, – отвечал он, – мы найдем для вас нужное, – и на ухо отдал приказание своему камердинеру.

Едва успели мы кое-что уладить, установить, как позвали нас к батюшке.

– У вас, верно, есть письмо к сестре моей, матери вашего адмирала, поторопитесь его доставить, – и обратясь к старшему сыну, сказал: – Афанасий! свези его к тетке Анне Матвеевне²³.

Ее дом тоже находился в Немецкой Слободе и недалеко от дома г. Нестерова.

Я облекся во всю форму и вытянулся перед матерью моего начальника; она была дама роста невысокого, с лицом еще свежим, с приветливой улыбкой; глаза ее горели как огонь, обнаруживая ум и проницательность. Начальник мой очень похож на мать свою: тот же рост, те же глаза, та же физиономия, та же приветливая улыбка, и если б я встретился с ней случайно, то немедленно принял бы ее за сестру или за мать его.

– Что делает мой Алексей? – спросила она, и я вынужден был до самой мелочи рассказывать про житье бытие и семейство моего начальника.

Побраня меня, что я не прямо к ней приехал, прибавила: – Но тебе у брата будет веселее; там молодых людей много, а мы здесь все старики. Чтоб нам видеться почаще, экипаж мой будет всякий день с утра у крыльца брата моего.

Проводник мой, Афанасий Александрович, подхватил было:

²³ Анна Матвеевна Нестерова вышла замуж за адмирала Г. А. Спиридова.

— И у нас за экипажем дело не станет.

— Пустяки, — прервала она его, — вы начнете его разваживать по Москве, а я его не увижу. Ко мне приезжай во всякое время, хоть каждый день, обедать, прибавила она, а в воскресенье непременно; если же тебе что нужно будет, смотри, — погрозила она, — меня не обегать.

Семейство г. Нестерова состояло из четырех сыновей и стольких же дочерей и одной дальней племянницы. Старший сын, Афанасий, служил в гвардии, теперь был в отставке подполковником; второй, Матвей, состоял на службе гвардии капитаном; третий, Михайло, служил тоже в гвардии прапорщиком; младший состоял в кирасирском полку графа Салтыкова корнетом. Все в приезд мой были налицо. Из дочерей ни одна еще в замужество не вступала. Старшие два брата путешествовали почти по всей Европе, шли с образованием своего века; остальные братья и сестры недалеко отставали от них. Если присовокупить к тому приветливость, простодушие стариков (отца и матери), любезность сыновей, кротость девиц, теснейшую дружбу, соединявшую всех между собою, непритворное почтение детей, любовь отца и матери к детям, доброе расположение к людям вообще, то едва ли теперь найдется что-либо похожее на древнюю патриархальную русскую жизнь в Москве.

Тогда все полагали, что на семейном союзе и домашнем воспитании основаны силы и спокойствие государства и что правила, чувства, примеры отцов усугубляют любовь к царю

и Отечеству, переходят как наследственное достояние от одного поколения к другому, служат даже образцом и для других сословий. Действительно, жизнь тогда была более практическая; идей в обращении было менее, чем ныне, и самое это малое число без фактов ставилось ни во что.

Молодые люди, носящие мундир военный, сближаются легко, и наша дружеская связь росла со дня на день, или лучше, с часу на час. Мудрено ли, что с таких людей, каковы были Нестеровы, старался я перенимать все то, чего, мне казалось, еще доставало. Как не согласиться с тем автором, которого имя запамятовал, утверждавшим, что мы по перенимчивости находимся в близком родстве с обезьянами, но с тем различием, что перенимаем не все, как обезьяны, а только то, что нам нравится. Встретя в моих товарищах нечто возвышеннее того, чего не находил в себе, я принял их образ мыслей и манеры, даже вкрался в их дух богатого барина и так ловко, что часто в продолжении жизни, не имея в кармане рубля, казался всегда если не богатым, то, по крайней мере, человеком достаточным. Сильно тоже подействовало на меня то, что, сближаясь более и более с моими товарищами, я заметил их безденежность среди полного довольства в доме; а вели (они) себя, как будто карманы их наполнены червонцами. Причина денежного недостатка у детей была следующая: тогда дети довольствовались определенным родителями ежегодным содержанием, докучать родителям просьбами почиталось унижительным. Самый незначительный по-

дарок, сделанный родителями детям, принимался с живейшим чувством. Помню, как в день рождения отец подарил сыну, гвардии капитану, 25 рублей ассигнациями, и он принял оные с непритворным чувством благодарности. Не дорог подарок, говорили тогда, а дорого родительское внимание. Теперь понял я, почему мать моя так оскорбилась приездом моим, предпринятым единственно из желания получить денег.

Меня возили по родным, знакомым и по всем публичным местам; словом – знакомили с Москвою, ее достопамятностями, обычаями, нравами. Ничто меня так не поразило, как первый мой въезд в благородное собрание: все показалось миг волшебством, а я сам обвороженным. Блеск золота, серебра, бриллиантов, удивительное освещение, кавалеры в мундирах, шелковых чулках, *grande tenue*²⁴; дамы в бриллиантовых диадемах, цветах, в самых богатых нарядах, до двух тысяч людей в собрании; все это должно было поразить провинциала, видевшего это в первый раз. Присовокупите к тому самую утонченную вежливость, улыбку удовольствия на лицах всех, снисходительность стариков к младшим, почтение последних к первым, и вы будете иметь некоторое понятие о благородном собрании 1795 года. Чтобы описать этот очаровательный поэтический мир, эту благородную свободу в обращении, оживлявшую всех, нужно перо искуснее моего. Я уже не говорю о том количестве больших заслуженных

²⁴ Парадные костюмы (*фр.*).

бар, которые, как древние полубоги, посещали эти собрание и примером своим научали молодых вежливости и снисходительности.

Говоря об этих временах, об этой свободе мышления, действий, казалось, что все общество держалось единственно общественным духом, который основывался на уважении к старшим, нравственности и чести. Большая часть офицеров отпускалась начальниками бессрочно; бралась только подписка, что по первому востребованию они поспешат к своим командам. Я не знаю, случалось ли когда-либо, чтобы кто из нас, хотя одним днем, запоздал. Такова была во всех амбиция, честь, этот *point d'honneur*, который страшился выговора, а арест – сохрани Боже! он почитался посрамлением звания; и оставаться в том полку или команде уже было невозможно. Тому споспешествовала, кажется, тогдашняя поговорка: пусть на мундире видна будет нитка, но чести должен офицер иметь на несколько пудов. Честь, амбиция, *point d'honneur*, были в сердцах всех, но всего сильнее – военных. Тогда ни единый дворянин не начинал службы с коллежского регистратора, разве больной, горбатый, и проч. и переходил в статскую, по крайней мере, в штаб-офицерском чине, чего добиваться было не так легко (?). Казалось, военная кровь кипела во всех, и общее мнение было: кто не начинал с военной службы, тот никогда порядочным человеком не будет, разве только подьячим.

Всякое воскресенье мы обедали у матери моего началь-

ника, где собирались все родные и несколько людей посторонних. Здесь соблюдался тот же этикет, как в благородном собрании. Надо было видеть это почтение к старшим в роде. Сын, невзирая на лета, на чин, был равен, в некотором отношении, с сыном недорослем. Сенатор М. Г. Спиридов²⁵ приезжал в воскресенье к матери обедать в мундире и ленте через плечо. Он любил после обеда выкурить трубку; матушка табачного запаха не жаловала; он после обеда уходил в лакейскую, отворял форточку и, окруженный двадцатью и более лакеями, почтительно стоявшими перед ним, выкуривал трубку. Супруга его, урожденная княжна Щербатова²⁶, дочь нашего историографа, никогда не приезжала без шифра²⁷. Все гости подчинялись тому же порядку, и горе тому, который вздумал бы оный нарушить. Перенимая все, перенял я и это: всякое утро приезжал я к матери моей во всей форме, от нее ездил к матери моего начальника. Мать моя, видя ежедневную мою покорность и безропотное повиновение, смягчалась и уже при отъезде днем говорила:

– Ты завтра будешь ли, мой друг?

²⁵ *Спиридов Матвей Григорьевич* (1751–1829), известный русский генеалог, сенатор, камергер, сын знаменитого адмирала Г. А. Спиридова. Женившись в 1775 г. на дочери известного историка М. М. Щербатова, он, под влиянием и руководством своего тестя, начал заниматься историей, особенно же генеалогией русского дворянства.

²⁶ *Спиридова Ирина Михайловна*, урожденная княжна Щербатова (1757–1827).

²⁷ Шифр с вензелем или золотой знак отличия фрейлин при российском императорском дворе.

Когда я привез эту весть моим товарищам, они бросились мне на шею, целовали, радовались не менее моего.

— Оборони Боже, — говорили они, — несть на себе гнев родительский; какого тут счастья ожидать?

Все московские аристократы обедали тогда в два часа, и никого к обеду не поджидали; «каждый, говорили, должен знать час, в который хозяева обедают, опаздывать неприлично и невежливо». Обеды роскошествовали числом блюд; за стулом почти каждого собеседника стоял лакей в ливрее. Немудрено: тогда дворовых считалось в доме до ста и до двухсот человек. Говорили, что во время погребения графа Петра Борисовича Шереметева все дворовые, в числе более пятисот человек, шли за гробом в траурных кафтанах и заключали церемониал погребения. При столе заправлял всем столовый дворецкий, причесанный, напудренный, в шелковых чулках, башмаках с пряжками и золотым широким галуном по камзолу; кушанье разносили официанты, тоже напудренные, в тонких бумажных чулках, башмаках и с узеньким по камзолу золотым галуном. Должно было удивляться порядку, тишине и точности, с которыми отправлялась служба за столом. Все это в уменьшительной степени соблюдалось и в домах дворянских среднего состояния. Тянуться за богатыми было всегда болячкой людей менее богатых. На бал собирались, в благородное собрание, в семь часов, а в партикулярных домах в шесть, и оставались до двух, трех, а у Волынского до утра. В сапогах танцевать не позволялось, по-

читалось неуважением к дамам. Бал открывался минуэтом: особенно в чести был *ménuet à la Reine*²⁸; потом торжественно выступал длинный польский, в первых парах магнаты, а за ними следовала публика. Танцевали иногда и круглый польский, потом начинались англезы, среди которых примешивалась хлопушка, потом кадрили с вальсом и особенно трудный своими прыжками французский кадриль, отличавшийся своими *contre-tems en avant*, *contre-tems en arrière*, *pas de pigeon*²⁹, и пр. Бал заключался шумным *a la Grecque*, или gross-фатером, введенным, как утверждали, пленным шведским вице-адмиралом графом Вахтмейстером³⁰.

По окончании широкой веселой масленицы, всех маскарадов, публичных и партикулярных, непрерывных катаний по улицам, после завтраков *déjeuners dansants*³¹ Волынского, обедов, ужинов, где первое место занимали разнородные блины, получил я, на первой неделе Великого поста, повеление возвратиться в Ревель, но через Петербург, где должен был исполнить некоторые поручения моего начальника.

Думать было нечего; как ни жалко расставаться с Москвою, а ехать должно.

Как будто в знак памяти, новые мои знакомые, родствен-

²⁸ Рейнский менуэт (*фр.*).

²⁹ Движение вперед, движение назад, не голубь (*фр.*).

³⁰ *Вахтмейстер* Адам (1755–1828), шведский граф, вице-адмирал. Был взят в плен во время морского сражения при о. Гогланд в 1788 г. и отправлен на жительство в Москву, а затем в Калугу.

³¹ Танцующие обеды (*фр.*).

ники моего начальника, особенно Нестеровы, снабдили меня разными вещами: скромный мой ревельский чемоданчик заменен был другим и мог уже дорогой служить мне тюфяком. И с какой деликатностью все сделано было! Я не прежде узнал о своем богатстве, как по возвращении в Ревель.

Добрые, бесценные люди! Вас уже давно нет на свете. Заросла, забыта хладная могила ваша; но есть еще сердце благородное, которое с горячностью вспоминает о вас, о ласках ваших, которые он вполне ценит и чувствовать умеет, и некогда, по окончании земного бытия, там, как на этих страницах, о вас свидетельствовать будет!

Последний вечер в Москве провел я у матери моей по ее приглашению. Никогда не была она ко мне так милостива, ласкова, даже предупредительна, как в этот вечер. Тем тяжелее для меня была разлука. В полночь подошел я к ней проститься.

— А сядь же, — сказала она мне, — потом встанем и помолимся, чтобы Бог дал тебе счастливый путь.

Настала минута разлуки.

— Прощай, мой друг, — продолжала она, и слеза навернулась на глазах ее; у меня катились они невольно. — Может быть это последнее свидание, — сказала она, — кто знает? Обещай мне, как ни была бы тяжела судьба твоя, переносить все с твердостью и содержать в памяти, что Богу Сердцеведцу все известно; мысль эта не допустит тебя ни до чего низкого и возвысит дух твой.

Я обещался свято исполнить ее приказание. Она прижала меня к груди своей.

– Прощай, – сказала она, слабеющим голосом, и я едва поддержать ее мог: она упала в обморок.

Пришедшие на голос мой женщины положили ее на канане и просили меня скорее уехать, чтобы эта сцена не повторилась. Я поцеловал с горячностью руку матери моей и поспешно сел в повозку, которую мать моя мне подарила.

Почувствовала ли она, что мы расстались навсегда? Она была так молода, ей минуло 38 лет, а мне 19 лет. «Бог один руководит происшествиями в жизни», – говорила она, а я прибавляю: «пути Его неисповедимы».

Проехав заставу, простился я мысленно с Москвою, тоже не зная, что этой пышной, богатой, гостеприимной и патриархальной Москвы я уже не увижу. В минуту тяжелой разлуки человек утешается мыслию: увидимся! и утирает наворачнувшуюся слезу. Что было бы, если бы книга судеб отверста лежала пред ним, и он прочел бы, что все то, что ты видел, чем восхищался, что полюбил, ты более не увидишь. Благодарю Десницу, скрывающую от меня будущее! Теперь страдаю однажды; тогда страдал бы мыслию несколько раз. Мир этот, по законам Предвечного, отжил безвозвратно... Жаль его – кому? мне, и не без причины. Почти все те, с которыми начал жизнь, учился, служил, все лежат в сырой земле. Все связи, кроме родственных, связи любви, дружбы, товарищества, благодарности, все разъединены холодной ру-

кой смерти; осталось одно скорбное воспоминание в осиротевшем сердце. Но кто верит в Провидение душой сильной, умом светлым, тот легко убедится, что невидимая Десница все ведет к лучшему, тайными, иногда и жестокими для нас, путями.

IV

Я думал пробыть в Санкт-Петербурге не более трех дней, но адмирал прислал мне отпуск и с тем вместе несколько комиссий. Я развез данные мне в Москве рекомендательные письма родственникам и другим особам. Прием был холодно-ласковый, и я не нашел здесь того приветливого гостеприимства, того радушия, которыми отличалась Москва. Не менее того этим рекомендательным письмам обязан я был тем, что два раза видел Великую Екатерину. В первый раз при большом входе в церковь.

Она шла медленно, поступь ее была непринужденная, осанка величественная, главу ее украшала маленькая бриллиантовая корона. Улыбаясь, кланялась она на обе стороны, и улыбка ее выражала милость, соединенную с величием. Все придворные, шедшие впереди и за нею, казалось, вылиты были из золота, а дамы осыпаны бриллиантами. Во время шествия ее дыхание мое остановилось, все существо мое, казалось, перешло в глаза. Она прошла, а я все еще стоял неподвижно на одном месте. Мудрено ли, думал я, что им-

ператрицу принимают за Бога земного? Юпитер во дворце своем, на Олимпе, едва ли мог окружен быть таким великолепием и едва ли внушал более благоговейного внимания. При виде ее мысль об осчастливленной и прославленной ею России пробуждала какое-то чувство гордости быть русским и служить ей.

Во второй раз видел я императрицу, сажающуюся в сани, чтобы прокатиться. Ее провожал князь Платон Александрович Зубов. Она шла под вуалем, но и по походке можно было узнать Великую. Я слышал голос ее. Повелительным, но милостивым тоном, сказала она: «Садитесь, князь!» Долго отзывались звуки этого голоса в ушах моих, думаю, иногда и теперь их слышат.

Петербург не имел тогда никакого сходства с патриархальной простотою матушки-Москвы. Там был тон русской национальности, все напоминало древнюю Русь; здесь все походило на нечто иностранное, чужое; говорили в обществах по-французски и только с подчиненными по-русски. Даже и купеческие дома Бахарахта³² и прочие подражали этому же тону. Не оттого ли иностранцы называли Россию очень долго Московией? Большую часть всех разговоров занимала Екатерина; она была как будто душою всех частных бесед; друг перед другом ревновали пересказывать анекдоты³³

³² Видимо, имелись в виду купцы из Бахараха, городка на р. Рейн в Германии.

³³ Анекдот в понимании людей начала XIX века был достоверный случай из жизни с налетом легендарности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.